

УДК 327(4)

Л.О. Игумнова

ЦЕЛИ И МОТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК АНТРЕПРЕНЕРА НОРМ

Рассматривается типология внешнеполитических целей, раскрываются понятия «milieu goals» и «possession goals», после чего анализируются европейские нормативные цели, конкретизируются фундаментальные ценности, формирующие нормативный имидж Союза, и обобщается их значение для сущности европейской внешней политики. Ключевыми целями Евросоюза автор считает стремление воспроизвести себя, сформировать окружающий мир по своему подобию, трансформировать внешнюю среду в постмодернистском направлении. Учитывая обе вышеизложенные тенденции, автор рассматривает взаимосвязь нормативных и прагматичных целей и считает, что материальные и этические интересы всегда переплетаются в реальной внешнеполитической практике ЕС.

Ключевые слова: внешняя политика Европейского Союза, внешнеполитические цели, нормативная сила.

Распространение универсальных общечеловеческих ценностей и этических норм в мире является важной тенденцией современных международных отношений. Европейский Союз обладает огромным потенциалом в этой области, инициируя процесс международной диффузии норм, благодаря которому этические ценности, признаваемые ранее лишь в немногих наиболее высокоразвитых государствах, постепенно, с большим или меньшим успехом, внедряются в национальный контекст развивающихся стран. В научной литературе актор, способный формировать коллективное поведение других, определяется в качестве создателя, дистрибьютора, промоутера или антрепренера норм (norm-maker, norm-distributor, norm-promoter, norm entrepreneur). Актор, усваивающий внешние нормы, выступает в качестве последователя или реципиента (norm follower, norm recipient).

Один из вопросов, неизбежно возникающих при рассмотрении процесса передачи норм, касается целей и намерений антрепренера, его побудительных мотивов и стимулов. В теории международных отношений стало общепринятым проводить различия между внешнеполитическими целями, основанными на нормативных ценностях и моральных принципах, и теми, которые формируются в соответствии с материальными и стратегическими (ненормативными) интересами. Зачастую под последними подразумеваются эгоистичные национальные интересы, лишенные морального и нравственного начала.

Применение нормативного языка с целью легитимизации своих действий и оправдания своей политики характерно для большинства государств, в особенности для великих держав [1. С. 12]. Использование подобной риторики тем или иным актором, однако, еще не означает, что его внешне-

политические цели действительно нормативны. Распространение универсальных ценностей и этических принципов характерно в первую очередь для европейской и американской культур. Нами этот вопрос рассматривается применительно к внешней политике Европейского Союза. Проблеме внешнеполитических целей и ожиданий ЕС можно считать недостаточно исследованной, особенно в России, несмотря на то, что единая Европа, особенно после окончания холодной войны, уверенно восприняла эту новую историческую роль, заявив о себе как о нормативной силе с нормативными интересами.

Большинство исследователей основывают свои представления о нормативности либо ненормативности внешнеполитических целей на работе Арнольда Уолферса, сформулировавшего понятие «milieu goals» и «possession goals» [2]. Разделение целей на «milieu» и «possession» стало классическим. Однако напомним вкратце основные положения Уолферса и рассмотрим некоторые современные интерпретации его идей.

Possession goals (possession (англ.) – владение, обладание; goals (англ.) – цели) ассоциируются в первую очередь с национальными, материальными и стратегическими интересами. Руководствуясь ими, государства имеют целью сохранить или укрепить то, что для них особенно ценно: независимость, территориальную целостность, суверенитет. Преследуя possession goals, правительства стремятся добиться получения экономических и политических преимуществ, считающихся важными с точки зрения национальных интересов: расширения территории, членства в Совете Безопасности ООН, преференциальных тарифов, энергетической и военной безопасности. Зачастую эти интересы реализуются за счет интересов других.

Собственнический характер данных целей вызывает неоднозначную реакцию международного сообщества: *possession goals* поддерживаются одними, как выражение национальных интересов, и осуждаются другими, как проявление национального эгоизма и стяжательства. *Possession goals* ведут к межгосударственной конкуренции и могут быть причиной конфликтов. Традиционно в научных исследованиях доминировал акцент на анализе, материальных мотивов в стиле *realpolitik*. Однако подобный подход не способен дать нам полного понимания внешнеполитических ожиданий ЕС. «*Milieu goals*» требуют особого внимания, так как именно они лежат в основе нормативной политики (*milieu* (фр.) – среда, окружение).

Milieu goals находятся вне национальных рамок. Ни одно государство не может провозгласить их как свои собственные [3]. Они направлены на формирование и трансформацию окружающей среды, особенно формирование ближайшего соседства. Ключевой целью внешней политики в данном случае становится создание и поддержание благоприятного мирового порядка.

Намерение трансформировать внешнюю среду не может, однако, быть единственным критерием нормативности. Формирование *milieu* является, как правило, целью любой великой державы, в том числе авторитарной. Необходимо понимать направление этих трансформаций и иметь представление о ценностях, которые пытается распространить тот или иной актор. Реализуя *milieu goals*, нормативный актор не стремится защитить свои узконациональные интересы или увеличить свои владения. Он предпринимает меры по достижению мира, защите демократии и прав человека, развитию принципов устойчивого развития и эффективного управления, созданию благоприятных условий для социального и экономического прогресса, борьбе с эпидемиями или торговлей наркотиками и т.д. Если бы не *milieu goals*, утверждает Уолферс, достижение мира никогда не смогло бы стать целью национальных политик [2. С. 73]. *Milieu goals* предполагают создание высокого уровня институционализации и упорядоченности мира для формирования общего жизненного пространства, которое регулируется международным правом, международными режимами, организациями и институтами. Именно они структурируют взаимоотношения акторов, обеспечивают нормативные рамки и границы их политики [4. С. 15]. Достижение подобных целей требует участия многих государств, и, соответственно, способствует утверждению принципов мультилатерализма и международного сотрудничества. Одновременно фор-

мирование внешней среды предполагает определенные жертвы: необходимость вкладывания ресурсов в поддержание и развитие международных организаций, меры по развитию прогресса или борьбе с глобальными проблемами.

Несмотря на кардинальные различия в характере *milieu* и *possession goals*, многие авторы, включая Арнольда Уолферса, указывают на то, что между ними нет жесткого разделения. Внешняя политика государства может находиться в любой точке континуума между чисто *milieu* и чисто *possession goals* [3]. *Milieu goals* иногда содействуют реализации *possession goals* или используются государствами для прикрытия более узких эгоистичных целей [3]. Формирование благоприятного международного порядка может быть способом повышения престижа или создания условий, способствующих защите национальных территорий от внешних угроз. Различные усилия, предпринимаемые под флагом защиты демократии или прав человека, могут иметь целью обеспечение энергетической и военной безопасности или установление контроля над данной территорией. Представьте государство, говорит Уолферс, которое хочет установить режим, схожий со своим собственным: важнейшим мотивом в данном случае является обеспечение собственной безопасности, так как демократические государства, как правило, избегают ведения войн друг с другом.

Тот факт, что *milieu goals* могут быть направлены на защиту национальных интересов, не обесценивает их. Даже в этом случае *milieu goals* способствуют формированию благоприятной международной среды в целом и отвечают интересам международного сообщества. Соответственно, они сохраняют и свой нормативный характер [5. С. 6]. Одновременно, подчеркивает Арнольд Уолферс, политику государства можно считать не только эгоистичной, но и близорукой, если она направлена лишь на накопление и удержание своих владений, оставаясь индифферентной к проблеме достижения мира, порядка и высокого уровня благосостояния своих граждан.

Интересна аналогия Уолферса с поведением и интересами человека. Любой здравомыслящий человек с точки зрения собственных интересов, должен прикладывать усилия не только к материальным аспектам своего благополучия, но и к повышению уровня благосостояния в обществе, в котором он живет или работает. То, что его окружает – определенный порядок, уровень общественного здравоохранения, образования и пр., – это аспекты его *milieu*. Одно дело – быть в хорошей физической форме и финансово обеспеченным в

рамках организованного, упорядоченного и процветающего общества. Совсем другое – быть состоятельным, но окруженным нищетой, болезнями и общественными беспорядками. Проблема состоит не только в степени безопасности приобретенных им материальных владений, но и в возможности чувствовать себя счастливым, морально удовлетворенным, иметь перспективы на будущее.

Как проявления индивидуальной щедрости и благотворительности, так и щедрые внешнеполитические акты государств могут приносить существенные дивиденды донору. Они служат одновременно интересам национальной безопасности государств и экономическим интересам донора [2]. Тем не менее государства зачастую сталкиваются с серьезной дилеммой при распределении ресурсов между этими двумя видами целей: обеспечивать свои национальные нужды или стремиться создать благоприятную окружающую среду? [2] Вопрос о том, какие ресурсы и в каком объеме следует вкладывать в улучшение условий за пределами своих границ, чрезвычайно сложен.

Примеров, иллюстрирующих взаимосвязь *milieu* и *possession goals* на практике, можно привести огромное множество: План Маршала, оказание Евросоюзом помощи странам третьего мира и т.д. Так, оказание экономической помощи может быть проявлением щедрости и одновременно способствовать созданию благоприятной и стабильной окружающей среды.

Для нашего дальнейшего анализа внешнеполитических целей ЕС чрезвычайно полезной представляется также типология, предложенная норвежской исследовательницей Марианне Риддервольд [6]. Риддервольд выделяет три типа целей: 1. Прагматичные цели, основанные на материальной выгоде – экономических и политических интересах или интересах безопасности (аналог *possession goals*). 2. Этико-политические цели, апеллирующие к ценностям и нормам, характерным для какого-либо определенного сообщества и направленным на процветание этого сообщества. В нашем случае – это Европейский Союз. 3. Моральные цели – более широкие, основанные на необходимости защиты индивидуальных прав и универсальных принципов, независимых от материальных интересов или принадлежности к какому-либо сообществу (например, прав человека). Данная группа целей не предполагает разделения на Европу и НеЕвропу.

Таким образом, Риддервольд делает различие между коллективными ценностями сообщества и универсальными индивидуальными правами. В

дальнейшем нам предстоит оценить, какой же из предложенных видов целей играет наиболее заметную роль в выработке общеевропейского внешнеполитического курса.

Особое внимание в научной литературе уделяется и мотивам антрепренера. Среди таковых можно сформулировать четыре основных: Сочувствие, сопереживание. Сопереживание имеет место тогда, когда антрепренер демонстрирует заинтересованность в благосостоянии других, даже в том случае, если это не оказывает влияния на его собственное материальное благосостояние. Альтруизм. Альтруизм имеет отношение к защите и отстаиванию норм с целью обеспечения благополучия других, даже если ценой этому является ущерб для самого антрепренера. Идеиная приверженность (*ideational commitment*). Идеиная приверженность состоит в твердой моральной убежденности антрепренера в праведности распространяемых им норм. Собственные интересы. Вопрос о наличии эгоистических намерений у антрепренера является критическим: чем больше донор мотивирует распространение норм собственными интересами, тем меньше вероятности того, что эти нормы будут успешно внедрены в третьих странах. При этом присутствие эгоистических мотивов в действиях антрепренера не исключает того, что реципиент также может извлекать выгоду в процессе диффузии норм [7, 8].

После рассмотрения природы *possession* и *milieu goals*, следующий, закономерно возникающий вопрос, касается непосредственно европейских внешнеполитических целей. С самого начала интеграционных процессов ЕС сформулировал и конкретизировал ряд основных принципов, ценностей и целей, вокруг которых строится европейская идентичность и формируется европейский внешнеполитический курс. Многие из фундаментальных ценностей Евросоюза фиксировались в различных документах, в первую очередь в договорах. Они были конкретизированы в Маастрихтском договоре, затем в 1–2 статьях предложенной европейской конституции, а ныне – в действующем Лиссабонском договоре. Европейские ценности детально рассматриваются в Уставе фундаментальных прав ЕС [9]. Устав был принят и вошел в силу в качестве рекомендательного мягкого закона ЕС. Интересы Европы во внешней политике определяет и стратегия безопасности Евросоюза. Анализируя эти и другие документы, можно составить представление о девяти фундаментальных политических ценностях, формирующих нормативный имидж ЕС: это мир, свобода, демократия, правопорядок, права человека, социальная

солидарность, равенство (недискриминация), устойчивое развитие и эффективное управление.

Для ЕС характерна вера в абсолютную ценность данных этических норм. Общий драматический исторический опыт мировых войн и тоталитарных диктатур в свое время укрепил европейцев в этой вере. В документах ЕС стало общепринятым определять ЕС в качестве сообщества ценностей [10]. По словам Еврокомиссара по вопросам расширения Оли Рена, именно ценности формируют европейские границы [11]. Разделяя их, граждане ЕС чувствуют свою принадлежность к единой европейской семье. Общее взаимодействие данных норм определяет и внешнеполитический курс Евросоюза.

Анализируя научные разработки данной проблемы, в первую очередь необходимо упомянуть автора концепции нормативной силы Йана Маннерса, который полагает, что ЕС руководствуется именно нормативными, а не инструментальными интересами в отношениях с третьими странами [12. С. 251]. В своей первой статье, посвященной нормативной силе, И. Маннерс рассматривает такую норму, как отмена смертной казни [12]. Утверждение права каждого человека на жизнь и борьба за универсальную отмену смертной казни в мире действительно стали важным направлением внешней политики ЕС. Дальнейшие исследования дополнили и углубили представления о характере нормативных целей Евросоюза [13, 14 и др.]. Несмотря на то, что Европейский Союз распространяет ценности, которые принято считать столпами западной цивилизации, мы склонны согласиться с мнением Маннерса о том, что данные нормы разделяются и другими международными акторами и широко признаны в том числе в рамках ООН в качестве универсальных [15. С. 46].

Не останавливаясь на подробном анализе всех девяти фундаментальных ценностей ЕС в данной статье, постараемся лишь обобщить их значение для сущности европейской внешней политики. В первую очередь необходимо отметить соответствие между внутренними ценностями ЕС и его внешнеполитическими целями. Ключевой задачей ЕС можно считать соблюдение последовательности в том, каков Евросоюз внутри, и тем, что он делает вовне. Деятельность Союза на международной арене осуществляется в русле тех принципов, которые были заложены при его основании. Об этом, в частности, говорится в тексте европейской конституции [16]. Свои внутренние качества ЕС проецирует на внешнюю политику, предлагая свой успешный опыт развития остальному миру, воплощая свои ценности в международной поли-

тике и распространяя их во вне. Внешняя политика ЕС направлена на расширение зоны общечеловеческих ценностей и создание таких обществ, которые признают данные нормы и живут в согласии с ними. Другими словами, стремление «воспроизвести себя», сформировать окружающий мир по своему подобию можно считать одной из ключевых внешнеполитических целей Евросоюза [17. С. 249]. Выступая в таком качестве, ЕС видит себя в качестве просветителя и стабилизатора политической и экономической ситуации в мире. Тот факт, что Евросоюз стал одним из ключевых промуотеров универсальных и этических принципов в мире, отличает его от традиционных государственных акторов, которые руководствуются преимущественно национальными и стратегическими интересами. Не отрицая определенное значение гуманитарных ценностей во внешней политике других акторов, мы считаем, что именно Евросоюз, как поствестфальская сущность, в большей степени преуспел в реализации этических целей.

Зачастую европейская внешняя политика рассматривается в альтруистическом ключе, как политика, которая определяется чувством долга и ответственности и развивается под влиянием благородных целей достижения благополучия для других. Один из главных аргументов Маннерса состоит в том, что борьбу ЕС за универсальную отмену смертной казни, так же как и приверженность прочим гуманитарным принципам, едва ли можно объяснить какими-либо материальными выгодами. Наоборот, европейские требования вызывают сопротивление во многих странах, создавая для ЕС дополнительные трудности. Альтруизм выражается и в дороговизне европейской политики. Так, к примеру, ЕС отстаивает трудовые стандарты, основанные на правах человека в контексте Международной организации труда, несмотря на то, что данная политика является дорогостоящей [6]. Деятельность Евросоюза в рамках МОТ можно считать одним из ярких примеров, подтверждающих преобладание этических аргументов над экономическими интересами ЕС [6, 18]. Защита демократии, прав человека и прочих европейских ценностей в конечном итоге имеет целью domestикацию и цивилизацию международных отношений или, другими словами, трансформацию внешней среды в постмодернистском направлении и в соответствии с прогрессом цивилизации [19, 20].

Под domestикацией (*domestication*) понимается, прежде всего, следование одним и тем же принципам во внутренней и внешней политике: «отношение к загранице, как к дому» [21. С. 102]. Еще Франсуа Дюшене, французский политиче-

ский деятель и мыслитель, отмечал, что смысл существования (*raison d'être*) ЕЭС состоит в доместикации отношений между государствами. С точки зрения Дюшене, доместикация предполагает привнесение в международные отношения сознания общей ответственности, усиление договорных основ политики, разрешение внешних, некогда «чужих» вопросов, как своих собственных, внутренних проблем [22].

Цивилизация международных отношений также является одной из ключевых задач нормативного актора, который должен обладать не только соответствующими амбициями, но и конкретными стратегиями для достижения этой цели. (При этом многие эксперты, включая И. Маннерса, критикуют определение ЕС в качестве «цивилизаторской силы» за ярко выраженный европоцентризм [23. С. 70]). Цивилизованная политика вновь ассоциируется, прежде всего, с элементами демократии и правопорядком и осуществляется в двух направлениях: трансформация политических отношений внутри государств и между государствами. С точки зрения Ханнса Маулля, изменить международные отношения к лучшему, сделать их более цивилизованными и менее жестокими означает приблизить их к модели взаимоотношений в рамках демократического государства [24. С. 780–781]. Цивилизация международных отношений предполагает усиление институционального контроля над применением силы, развитие культуры ненасильственного разрешения конфликтов, наличие демократической процедуры принятия решений, защиту слабых, общий прогресс человечества в направлении устойчивого мира [24].

Стратегия ЕС по цивилизации международных отношений подразумевает также развитие международного права, поддержку международных режимов и организаций, развитие взаимозависимости и постепенную передачу элементов национального суверенитета наднациональным институтам. Среди внешнеполитических задач ЕС, направленных на цивилизацию международных отношений, следует особо отметить развитие Евросоюзом принципов космополитичного права. В отличие от международного права, которое регулирует отношения между суверенными государствами, космополитичное право стоит над ними. Оно опирается на универсальные права и обязанности, находящиеся вне рамок государства. Космополитичное право призвано регулировать новый глобальный политический порядок, основанный на ценностях. Очевидно, что современные внешнеполитические цели ЕС глубоко либеральны, интернациональны и космополитичны по сво-

ему духу. ЕС начал активно культивировать космополитичную этику после завершения холодной войны. И по сей день она является важнейшей характеристикой европейской идентичности.

Реализация *milieu goals* на практике – это тема отдельного исследования. В данной статье мы отметим лишь то, что в 1990-е гг. *milieu goals* ЕС были сконцентрированы преимущественно на Центральной и Восточной Европе. С точки зрения формирования окружающей среды большое значение имеют также отношения с Россией, Украиной, странами Средиземноморья, Магриба и Ближнего Востока. Реализацию *milieu goals* Евросоюза демонстрируют политика расширения, добрососедства, многочисленные программы партнерства. Одновременно *milieu goals* воплощаются на глобальном уровне в рамках международных организаций, через глобальную экологическую политику и различные этические инициативы. Все вышеперечисленные аргументы, на наш взгляд, подтверждают тезис о существовании особой европейской внешнеполитической идентичности и особой роли ЕС в международных отношениях. Организация ЕС вокруг универсальных ценностей превратила его в качественно новый, отличный от других акторов в мировой политике.

Помимо упомянутых нами экспертов, изложенную выше интерпретацию интересов ЕС разделяет руководство Евросоюза, его институты и представители внешнеполитического ведомства. По словам бывшего комиссара Еврокомиссии Эммы Бонино, внешняя политика, основанная исключительно на национальных или региональных интересах, бесперспективна [25]. Официальные лица ЕС, а также представители стран-членов активно пропагандируют имидж Европейского Союза в качестве силы во благо. Данная миссия создает высокий престиж и авторитет Евросоюзу у одних и является поводом для жесткой критики со стороны других.

Далеко не все представители экспертного сообщества разделяют рассмотренное выше конструктивистское понимание политики Евросоюза с его акцентом на моральном абсолютизме, альтруизме и самопожертвовании. Протестуя против экспорта европейской модели, некоторые авторы настаивают на том, что история Европы не может являться уроком для всех. ЕС критикуется за создание изоморфизма и продвижение своих собственных норм под видом нейтральных [26. С. 287]. Акты благотворительности ЕС могут вызывать подозрения в лицемерии и притворстве. Европейские нормативные цели считаются камуфляжем, скрывающим европоцентричный культурный им-

периализм, и воспринимаются как продолжение цивилизаторской миссии колониальных времен, имеющей целью навязывание чуждых ценностей. Европа критикуется за демонстрацию морального превосходства, двойные стандарты, отсутствие саморефлексии. «Простая истина», с точки зрения критиков, состоит в том, что ЕС, как и большинство традиционных акторов, несмотря на нормативную риторику, имеет насущные экономические и политические нужды. Рационалистская интерпретация настаивает на стратегическом, инструментальном использовании норм: для легитимизации политики или с целью получения выгоды. В подобном реалистском ключе воспринимается внешнеполитический курс ЕС и в России. Так зачастую оцениваются в Кремле политика добрососедства и различные этические инициативы Евросоюза.

Далеко не все однозначно и в европейском научном сообществе. Ряд исследователей отрицают нормативную уникальность ЕС, говоря о том, что ценности и нормы формируют не только европейскую политику [1. С. 5, 27]. Концепция нормативной силы критикуется и с позиций реализма. До недавнего времени реалисты были слабо представлены в исследованиях европейской внешней политики. Европа виделась скорее, как антитезис реализму и опровержение ему. Однако на сегодняшний день неореалистская критика представлена несколькими известными именами: британскими исследователями Адрианом Хайд-Прайсом [28] и Ричардом Янгсом [29], немецким автором Хубертом Зиммерманном [30] и другими экспертами. Выводы, к которым приходят эти авторы, вступают в явное противоречие с концепцией нормативной силы. Продвижение демократии рассматривается реалистами как важная часть стратегии безопасности, имеющая целью стабилизацию в регионах, граничащих с ЕС. Выступая в качестве силы во благо, Евросоюз создает «кольцо друзей» – демократических, стабильных и процветающих государств с эффективным управлением, разделяющих европейские ценности, что объективно служит европейским интересам безопасности.

Ряд исследователей предпочитает характеризовать ЕС не как нормативную, а как мягкую силу, которая руководствуется собственной выгодой, преследует свои интересы и распространяет универсальные нормы лишь по возможности, в том случае, если третьи страны готовы их принять [31. С. 184]. Аргументы реалистов имеют под собой определенную почву. Действительно, маловероятно, что ЕС обладает исключительно нормативными интересами и никогда не руководствуется

стратегическими. Однако чисто рационалистские объяснения внешнеполитических мотивов ЕС также являются легко уязвимыми [32. С. 264]. Вот лишь несколько факторов несостоятельности реалистского подхода: 1. Защита демократии и общечеловеческих ценностей далеко не всегда служит европейским стратегическим интересам. (Этот тезис конкретизируется в следующем разделе.). 2. Европа вступает в конфликты с США, Японией и другими странами ради продвижения таких норм, как отмена смертной казни, или ради борьбы с глобальным потеплением. 3. Распространение универсальных ценностей влечет материальные затраты: Евросоюз занимает первое место по объемам предоставляемой экономической помощи, ЕС вкладывает ресурсы в развитие международных организаций и поддержание принципов мультилатерализма и т.д.

Мы считаем, что не все международные акторы должны автоматически считаться лишь «максимизаторами интересов» («interest maximizers») [32. С. 266]. Нельзя отрицать, что некоторые из них могут действовать, исходя из чувства справедливости и долга. В некоторых случаях нормы вполне могут брать верх над материальной выгодой. Как мы видим, в европейском научном сообществе представлен весь спектр взглядов на проблему внешнеполитических целей ЕС: от Иана Маннерса с его идеалистской интерпретацией мотивов Евросоюза до Адриана Хайд-Прайса, излагающего реалистское видение проблемы. Эти два противоположных взгляда, казалось бы, сложно совместить. Однако ряд исследователей с успехом это делают, учитывая обе вышеизложенные тенденции и формулируя более прагматичную точку зрения [33].

Так же как Арнольд Уолферс, многие европейские аналитики сегодня рассуждают о взаимосвязи *milieu* и *possession goals*, считая, что материальные интересы и нормативные принципы всегда переплетаются в реальной внешнеполитической практике. Ценности являются концептуальной призмой, через которую конструируются, интерпретируются и осуществляются интересы. Одновременно ценности вполне могут формулироваться и интерпретироваться под влиянием интересов [5. С. 6]. Отстаивание интересов зачастую осуществляется параллельно с продвижением норм. Так, политика ЕС, направленная на оказание экономической помощи или защиту прав человека, являясь этической, может одновременно содержать элементы инструментальности. Сочетание *milieu* и *possession goals* во внешнеполитическом курсе ЕС можно проследить на примере политики расшире-

ния, добрососедства и различных партнерских соглашений. Альтруистические действия ЕС по распространению международных ценностей могут усиливать экономические позиции Евросоюза, отвечать его политическим интересам и укреплять его безопасность. Стремление провести четкие разграничения между прагматизмом и альтруизмом является одной из главных ошибок в рассуждениях экспертов. Такого разделения просто не существует.

Наличие смешанных мотивов во внешней политике ЕС признают Лизбет Аггестам, Натали Точки, Томас Диез, Эрик Эриксен и многие другие авторы [5, 32, 34, 35]. Даже такие реалисты, как Адриан Хайд-Прайс и Хуберт Зиммерманн, в конечном итоге не отрицают того, что государства могут проводить этическую политику, отражающую их политические ценности [28. С. 222; 30. С. 824]. Хотя при этом они оговариваются, что этические нормы всегда вторичны по отношению к интересам национальной безопасности и другим фундаментальным национальным нуждам. Единая Европа, считает Хайд-Прайс, говорит об идеалах лишь в том случае, если они не наносят ущерба национальным интересам стран-членов, но в критических ситуациях государства пожертвуют этическими принципами ради национальных нужд. *Milieu goals*, по мнению Хайд-Прайса, предполагают лишь временные жертвы ради долгосрочных перспектив [28. С. 222].

Предположение о том, что этические цели Евросоюза направлены на защиту его стратегических интересов, не меняет, на наш взгляд, их позитивного характера и не означает полного отрицания нормативности, так как нормы могут оставаться легитимными и несущими позитивные перемены даже в том случае, если за ними стоят вполне конкретные материальные интересы. Даже рационалистские интерпретации мотивов ЕС не могут убедить нас в обратном. Формирование Евросоюзом благоприятной международной среды создает взаимовыгодную ситуацию, при которой не только ЕС, но и третьи страны, являющиеся объектом европейской политики, остаются в выигрыше [34. С. 8]. Итальянская исследовательница Натали Точки доказывает, что *milieu* и *possession goals* могут быть не просто совместимыми, но и усиливать друг друга в долгосрочной перспективе [5. С. 10]. Урегулирование Евросоюзом миграционных потоков, борьба с организованной преступностью и терроризмом, стремление обеспечить надежные поставки энергии – все это зависит от трансформаций *milieu*, особенно в регионах, граничащих с ЕС. Кроме того, распространяя международные нормы, ЕС выступает в роли лидера и,

таким образом, укрепляет свой международный престиж и усиливает свою роль в мире. В свою очередь, позитивное восприятие ЕС в третьих странах благотворно сказывается на способности ЕС достигать своих целей.

Одновременно, как считает Точки, *milieu* и *possession goals* могут вступать в коллизии друг с другом в краткосрочной и среднесрочной перспективе и при определенных обстоятельствах. Дестабилизация, которая сопровождает трансформацию *milieu*, препятствует реализации *possession goals*. Так, продвижение Евросоюзом демократии в некогда авторитарном государстве, приводя к временной нестабильности и хаосу, в свою очередь, понижает шансы контроля миграционных потоков или борьбы с организованной преступностью. Защита прав человека в третьих странах ограничивает свободу данных режимов в обуздании преступности и терроризма. Свободно избранные правительства вполне могут проводить политику, противоречащую европейским коммерческим интересам или энергетическим нуждам и т.д. Некоторые из этих примеров демонстрируют также столкновение самих этических принципов. Так, борьба против организованной преступности может противоречить защите прав человека и т.д. Необходимо взвешивать не только этические и стратегические интересы, но и учитывать существующие этические дилеммы [34. С. 10].

Приведенные выше примеры подтверждают, что формирование демократической среды не всегда служит европейским стратегическим интересам. Этот факт является еще одним аргументом, подтверждающим нормативный характер внешней политики ЕС. Кроме того, согласно справедливому замечанию Ричарда Янгса, несмотря на наличие практических мотивов, европейские подходы выглядят менее инструментальными в сравнении с американскими [29. С. 429]. Рассуждая о внешнеполитических целях, стоит признать, что выявить подлинные мысли и мотивы международных акторов представляется весьма затруднительным [6. С. 5]. Тем не менее в настоящей статье мы предложили два радикально отличающихся подхода к исследованию данной проблемы – либеральный идеалистский и рационалистский. Мы пришли к выводу, что ни один из данных теоретических подходов, взятый по отдельности, не может дать полного и объективного объяснения сути и содержания европейских внешнеполитических целей.

С одной стороны, мы разделяем мнение конструкторов о нормативном характере политики ЕС, основанной на универсальных общечеловеческих ценностях. Опыт Европы после окончания

холодной войны показывает, насколько внешняя политика сблизилась и переплелась с понятиями морали и этики, став примером постнациональной постмодернистской внешнеполитической модели. Этот факт не означает, что экономические или стратегические мотивы не играют никакой роли в выработке европейского внешнеполитического курса. Мы не отрицаем, что политика ЕС может быть продиктована и утилитарной логикой. На практике как рационализм, так и альтруизм играют свою роль в выработке внешней политики Евросоюза. В конкретных ситуациях прагматичные интересы ЕС и альтруистические мотивы порой сложно отделить друг от друга.

Преследование Евросоюзом стратегических интересов является одной из главных причин критики нормативной силы. Способ ее избежать заключается, на наш взгляд, в комбинации различных теоретических подходов, позволяющей более объективно учитывать как практические, так и этические мотивы внешней политики ЕС. Учет аргументов авторов либерального и реалистского направлений способен дать простор развитию более сбалансированной дискуссии о роли ЕС в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Forsberg T.* Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis // Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association, New York, 15–18 February 2009. 24 p. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p_311280-1.php (20.12.2010).
2. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore, 1962. Chapter Five "The Goals of Foreign Policy". P. 67–80. URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/pol116/wolfers.htm> (29.09.2010)
3. *Wolfers A.* Milieu and Possession Goals Reinterpreted. URL: <http://deliberation.blog.com/essays/arnold-wolfers-milieu-and-possession-goals-reinterpret/> (20.12.2010)
4. *Risse T.* "Let's Argue!" Communicative Action in World Politics // International Organization. 2000. Vol. 54: 1. P. 1–39.
5. *Tocci N.* Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and its Global Partners // Who Is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2008. P. 1–23.
6. *Riddervold M.* Interests or Principles? EU Foreign Policy in the ILO // RECON Online Working Paper 2008/09–2008. June. 23 p. URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/024.pdf> (20.12.2010)
7. *Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. № 52 (autumn). P. 887–917.
8. *Jacobsen J. K.* Much Ado About Ideas: Cognitive Factor in Economic Policy // World Politics. 1995. Vol. 47:2. P. 283–310.
9. *The Charter of Fundamental Rights of the Union, Treaty Establishing a Constitution for Europe (TCE).* URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/default_en.htm (23.12.2010)
10. *Laeken Declaration on the Future of the Union,* European Council, 14–15 December 2001. URL: http://www.ena.lu/laeken_declaration_future_european_union_15_december_2001_020003970.html (23.12.2010)
11. *Rehn O.* Values define Europe, not borders. URL: <http://www.delmkd.ec.europa.eu/en/whatsnew/2005/03%20Olli%20Rehn%20article%20Values%20define%20Europe.htm> (22.12.2010)
12. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40:2. P. 235–58.
13. *Lucarelli S.* Interpreted Values: A Normative Reading of EU Role Conceptions and Performance // O. Elgstrom, M. Smith (eds), The European Union's Roles in International Politics. Concepts and Analysis. New York, 2006. P. 47–65.
14. *Manners I.* The Symbolic Manifestation of the EU's Normative Role in World Politics // The European Union's Roles in International Politics... P. 66–84.
15. *Manners I.* The Normative Ethics of the European Union // International Affairs. 2008. Vol. 84:1. P. 45–60.
16. *A Constitution for Europe.* URL: http://www.ena.lu/constitution_europe-020102371.html (22.12.2010)
17. *Bretherton C., Vogler J.* The European Union as a Global Actor. London: Routledge, 1999. 316 p.
18. *Riddervold M.* "A matter of principle"? EU foreign policy in the International Labour Organization // Journal of European Public Policy. 2010. Vol. 17:4. P. 581–598.
19. *Leonard M.* Europe's Transformative Power // Center for European Reform Bulletin. 2005. Issue 40, Feb.–March. URL: http://www.cer.org.uk/articles/40_leonard.html (04.07.2011)
20. *Leonard M.* How Europe Will Run the 21st Century. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
21. *Nicolaidis K.* The Power of the Superpowerless / T. Lindberg (ed.), Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership. New York: Routledge, 2004. P. 93–120.
22. *Duchene F.* The European Community and the Uncertainties of Interdependence // A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community. London: Macmillan, 1973. P. 1–21.
23. *Manners I.* European Studies // Journal of Contemporary European Studies. 2003. Vol. 11:1 P. 67–83.
24. *Maull H. W.* Europe and the New Balance of Global Order // International Affairs. 2005. Vol. 81:4. P. 775–799.
25. *Bonino E.* Principled Aid in an Unprincipled World. Speech delivered to ECHO/Overseas Development Institute (ODI) Conference by European Commissioner for Humanitarian Affairs, speech/98/69, 7 April 1998. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/98/69&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en> (22.12.2010)
26. *Bicchi F.* "Our Size Fits All": Normative Power Europe and the Mediterranean // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13:2 (March). P. 286–303.
27. *Jørgensen K.E., Laatikainen K.V.* The EU and the UN: Multilateralism in a New Key? Paper prepared for presentation at the ISA Annual Convention, San Diego, California, USA, March 22–25, 2006. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/0/0/1/2/pages100128/p100128-1.php (22.12.2010)
28. *Hyde-Price A.* "Normative" Power Europe: a Realist Critique // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13: 2. P. 217–234.
29. *Youngs R.* Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity // Journal of Common Market Studies. 2004. Vol. 42:2. P. 415–35.
30. *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45:4. P. 813–832.

31. *Panbianco S.* The EU and the Middle East // F. Bindi (ed), *The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe's Role in the World.* Washington, DC, 2010. P. 183–196.

32. *Eriksen E. O.* The EU – A Cosmopolitan Polity? // *Journal of European Public Policy.* 2006. Vol. 13:2. P. 252–269.

33. *Brown C.* Ethics, Interests and Foreign Policy // K. Smith,

M. Light (eds), *Ethics and Foreign Policy.* Cambridge, 2005. P. 15–32.

34. *Aggestam L.* Introduction: Ethical Power Europe // *International Affairs.* 2008. Vol. 84:3. P. 1–11.

35. *Diez T.* Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering “Normative Power” // *Millenium.* 2005. Vol. 33:3. P. 613–636.